

БУМАЖНОЕ РОДСТВО

РАССКАЗ

КРИШАН ЧАНДАР

Индия

ЕРС КЕЙКОБАД привез из Мешхеда третью жену. Стройная, пленяющая нежной красотой юности девушка поселила в его сердце новую любовь. И, должно быть, именно поэтому молодая жена довольно быстро прибрала к рукам весь дом. Когда Кейкобад закрыл ресторан и возвращался к жене, она не отставала от него до тех пор, пока он не выкладывал дневную выручку до последней пайсы.

Поначалу иранец с легким сердцем расставался с деньгами, но с течением времени это перестало ему нравиться. «Пожалуй, так дело не пойдет. Неужели мне некуда больше пристроить денежки?» Пораскинув мозгами, Кейкобад стал изворотливее. Пылкая любовь не позволяла ему круто изменить заведенный порядок, но теперь он приносил домой только половину дневной выручки, а остальное запирал в денежный ящик в ресторане и на другой день отправлял в банк. Мешхедская красавица взбунтовалась было по поводу резкого сокращения доходов, но супруг вовремя ввернул что-то о безумной дороговизне, и она угомонилась, поверив, что муж по-прежнему отдаст ей все деньги.

Вот и сегодня Кейкобад закрыл ресторан поздно ночью и собрался домой. Он достал из кассы двести рупий, положил в карман, а оставшиеся двести двадцать запер в денежный ящик, вышел на улицу, быстро добрался до ближайшей остановки и вскочил в автобус.

Не прошло и трех часов после его ухода, как к задней двери ресторана, обращенной к морю, подошли двое. Это были двоюродные братья — Мону и Сону, уже давно снискавшие в городе славу отчаянных и удачливых взломщиков. Работали братья всегда вместе — вдвоем оно веселее. Один взламывал

вал замки, перелезал через высокие стены, другой стоял на стреме. Да и если прихватят на деле — вдвоем отбиваться надежнее.

Проникнув в ресторан, братья в первую голову вскрыли денежный ящик и вытряхнули из него содержимое — кучку банкнот и разменную монету. Покончив с главным, Сону оживился:

— Послушай, Мону, не пожевать ли нам чего-нибудь, а?

— Можешь на мороженое навалиться, — отозвался тот.

— Нет, мороженое не пойдет, — протянул Сону и огляделся вокруг.

Он открыл продолговатую жестяную коробку, на которой красовалась надпись «Британия», и вытряхнул из нее два бисквита. Из холодильника достал брусок сливочного масла, вскрыл банку с абрикосовым джемом, густо намазал печенье, накрыл сверху порядочным куском масла и с аппетитом принялся за еду. Поглядывая на него, Мону проговорил:

— А мне что-то всухомятку не хочется.

— Так вон яйца, давай-ка соорудим яичницу, пожалуй, и я войду к тебе в долю. — Сону снова открыл холодильник, взял четыре яйца, юркнул в кухню, отыскал сковороду, включил газ и проворно поджарил яичницу. Мону помог ему приготовить чай, и они, забрав еду с собой, перешли в зал. Усевшись за один из столиков, словно богатые клиенты, приступили к трапезе. Вдруг за шкафом послышался тихий шорох. Громилы затаили дыхание. Жующие челюсти замерли, непроглоченные куски застряли в горле.

Переглянувшись, братья одновременно потянули из карманов ножи. За шкафом снова зашуршало, и к столу с мяуканьем выпрыгнула спящая персидская кошка.

— Мяу! — Большие золотистые

глаза породистой зверюшки смотрели на них пристально и доверчиво.

Мону и Сону перевели дух. Смутьившись, сложили и спрятали ножи. Ужин продолжался. Отламывая куски хлеба, они макали их в сладкий чай. Предложили и кошке кусочек. Она понюхала, но есть не стала. До чего же разборчивы эти персидские кошки!

— Мяу!

— В долю просится, — прыснул Мону.

Сону налил в плошку молока и поставил на пол. Кошка неторопливо принялась лакать. Выпив молоко, она легко и грациозно вспрыгнула к Сону на колени. Нежно поглаживая ее пышную шубку, Сону не выдержал.

— Такая красота! С удовольствием сунул бы и ее в мешок.

— Пора! — Мону допил чай и встал из-за стола.

— Погоди... — Сону осторожно спустил кошку на пол и поднялся.

— Прихвачу-ка я детишкам го- стинец.

Он положил в мешок яркую коробку конфет. Мону бросил туда же жестянку с надписью «Британия».

— Все, отчаливаем.

Оба направились к выходу.

— Постой-ка. — Мону огляделся. — Должны же здесь быть различные сигареты.

Свой выбор он остановил на блоке «Стефана Кинга». Мону прихватил свои любимые «Три девятки».

— Ну, теперь действительно пора. Жадность фраера сгубила.

Проходя мимо застекленного шкафа, где красовалась косметика, Сону задержался.

— Надо и хозяйку побаловать. — Он осторожно снял с полочки флакон французских духов, а Мону сунул в мешок полдюжины тубиков губной помады, флакон одеколona и пару пачек безопасных лезвий «Сильвер Жиллет».

— Ведь наши-то, зараза, никуда не годятся.

— Ну, это ты брось, теперь лучше делают, — возразил Сону. — Мало-помалу и Индия движется к прогрессу. Америке, знаешь, сотня лет потребовалась.

Сону колдого учился в школе и срезался только из выпускных

экзаменах, Мону же едва дотянул до третьего класса. Он уважал ученость Сону и обычно никогда не спорил с ним, но сейчас не выдержал:

— Хватит! Закрывай лавочку! Пора отваливать, да поживее. Застукают здесь, так загремишь за решетку. Враз свою Америку забудешь.

Сону поспешил за братом, который уже ухватился за веревку, свисавшую с рамы окошка, прорезанного у самого верха стены.

Расторопный Кейкобад разместил под окном портреты лидеров Ирана. Рядом с ними красовались изображения государственных деятелей Индии, а поодаль — фотографии прочих знаменитостей со всего мира. Сону окинул их взглядом и тяжело вздохнул:

— Эх, не стань я вором, быть бы мне большим человеком.

Мону знал слабость брата — любил человек поговорить о политике. Ответ он сейчас хоть слово, и Сону уже ничем не остановишь. Мону молча пододвинул к стене стол, вскоил на него и стал взбираться наверх. Упершись ногами в проем окна, он жестом поторопил Сону. Тот карабкался вслед за ним с кошачьей ловкостью. Вытянув свисающую веревку, Мону сбросил ее из окна на улицу. Через мгновение оба, опасно оглядываясь, уже неслись по берегу моря. Добежав до прибрежных скал, еще долго петляли под их прикрытием, пока не вышли к уединенной набережной.

Теперь от ресторана Кейкобада их отделяло больше мили. Сону бросил взгляд на часы: три часа ночи.

— Раньше четырех полицейский патруль не пожалует.

— Время есть, — согласился Мону.

— Давай тогда раскидаем барахлишко.

Оба принялись раскладывать по кучкам сигареты, печенье, конфеты, губную помаду и духи. Разделили поровну медь и серебро и взяли за бумажные купюры. Последняя замусоленная и потертая десятка досталась на долю Мону. Это ему не понравилось. Как все неграмотные люди, он больше доверял чистеньким и новым бумажкам. Протянув Сону измятую десятку, он попросил:

— Возьми ее себе, а мне дай другую.

— Это почему же? Чем эта десятка хуже других?

— Ничем она не хуже, поэтому я и прошу другую.

— Ничего не выйдет. Придется тебе взять именно эту.

— Что значит «придется»? — уже начиная злиться, спросил Мо-

ну. — Чего ради ты норовишь всучить мне всеми правдами и неправдами эту замызганную десятку?

— Всучить? Правдами и неправдами? Выходит, я тебя обмануть хочу? Да это ты пытаешься надуть меня! — распался, кричал Сону. — Сегодня я лез через стену, взламывал двери, а ты знаешь — тому, кто идет на дело первым, полагается большая доля. Я об этом молчу, так ты хочешь еще надуть меня.

— Попридержи язык! Забыл, что прошлый раз ты стоял на стреме, а я провернул дело?

— Так тогда ты получил на пятерку больше.

— Бери и ты лишнюю пятерку, только заткнись.

— Заткнись! Это ты мне? — Сону дрожал от ярости. — На кой черт мне твоя пятерка!

— А десятку все-таки обменяй, — упрямо наставлял Мону.

— Никакого обмена! — заорал Сону в бешенстве с безумными глазами. — Обменять десятку! А этого не хочешь? — Он выхватил нож. Потянулся за ножом и Мону...

Без четверти шесть полицейский береговой патруль обнаружил среди скал два мертвых тела. Все вокруг носило следы яростной борьбы, на истоптанном песке темнели бурые пятна крови. Мону всадил нож в сердце Сону, но и Сону успел перерезать братцу горло.

Полицейские доставили трупы в участок. Все награбленное возвратилось к счастливому Кейкобаду. Вернули все — до последнего тюбика губной помады.

Полицейский инспектор Сибте Хасан сразу опознал убитых. Фотографии обоих давно уже хранились в участке, Сону и Мону не раз отбывали наказание.

— Взгляните, это же Мону и Сону! — удивился субинспектор Кхатте.

— Они, они... — Инспектор Сибте Хасан достал из кармана маленькую табакерку и подцепил добрую щепоть насвара. — Похоже, денег не поделили...

— Но ведь... — Кхатте вновь с удивлением посмотрел на убитых и перевел взгляд на инспектора. — Ведь они же двоюродные братья!..

Сибте Хасан виртуозно зарядил обе ноздри нюхательным табаком и то ли с обидой, то ли с презрением проворчал:

— Какие там братья... Какие теперь отцы, какие дети?.. Нынче, милый мой, родство только бумажное.

И, как бы подводя итог, инспектор оглушительно чихнул.

Перевел с урду

Н. Глебов

Из африканского фольклора

ПЕЧАЛЬ ЖИЗНИ

(Народность эве)

Прекрасное поле для игр
заглушила трава.
Прекрасную площадь
для развлечений заглушила трава.
Густые леса стали желтой саванной.
Страную травы
стал наш город прекрасный.
Одна лишь трава там,
где дом стоял наш прекрасный.
Могильщик, не надо меня хоронить.
Оставь открытою грудь,
зарой только ноги.
Пусть придет ко мне мой народ,
На мое лицо пусть посмотрит.
Пусть ко мне люди придут,
В глаза мои глянут.
Тамтам не во имя радости бьет —
во имя печали.
«Жизни печаль» — песня тамтама.
Тамтам сегодня звучит
лишь для печали жизни.

ЗАКЛИНАНИЕ, ЧТОБЫ ПРОБРАТЬСЯ НЕЗАМЕЧЕННЫМ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

(Народность сонгаи)

Семь рек и семь лесов,
Семь селений, семь холмов,
Семь базаров городских,
Если взять у них иголку,
Не заметя ничего.
Эту малую иголку
Пусть ничей не видит глаз,
Только глаз благого бога,
Или глаз посланца бога,
Или женщины беременной,
Иль верблюда одноглазого.
Навсегда!

ЗАКЛИНАНИЕ, ЧТОБЫ ОТВРАТИТЬ БЕДУ ОТ СВАДЕБНОЙ ПРОЦЕССИИ

(Народность сонгаи)

Чтобы черный пес не тронул,
Чтобы черный лес не тронул,
Чтобы черный холм не тронул,
Чтобы черный куст не тронул,
Чтобы черный дух не тронул,
Чтобы не ударила правая рука,
Чтобы не ударила левая рука
Никогда!

Перевел с французского
Морис Ваксмаер